

Образ реки в скульптурном убранстве города

Сергей Вячеславович Рогачев, научный сотрудник, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, Московский государственный университета имени М. В. Ломоносова (МГУ); Российская Федерация, Москва.

Цитирование: Рогачев С. В. (2025). Образ реки в скульптурном убранстве города. *Городские исследования и практики*, 10(2), 6–20, <https://doi.org/10.17323/usp10220256-20>

Сергей Рогачев

Традиция аллегорически изображать в мраморе или бронзе географические объекты имеет в европейском искусстве глубокие корни. Так, например, сгорбленный колосс «Апеннины» близ Флоренции, огромная мощная «Бавария» в Мюнхене, легкой походкой прогуливающаяся в садике возле парижского музея Карнавале обнаженная «Ильде-Франс» работы Аристиды Майоля. Восемь бронзовых аллегорий городов Франции – Лион, Марсель, Бордо, Нант, Руан, Брест, Лилль и Страсбург – восседают на площади Согласия в Париже.

Более всего «аллегоригеничны» реки. Одна из самых привлекающих туристов достопримечательностей Рима – фонтан Четырех рек Джованни Лоренцо Бернини (фигуры Нила, Ганга, Дуная и Ла-Платы). Тибр (символ Рима) и его приток Аньене (который снабжал водой римские акведуки) украшают перекресток улиц Четырех фонтанов и Квиринале. В Тоскане близ Флоренции находим скульптурный Арно; в Турине – очеловеченные По и Дора-Бальтеа.

Рона и Рейн – на площади Согласия. Мраморные Сена и Марна нежничают в Тюильри. Луара и Луар, Сона и Рона, Марна и Сена, Гаронна и Дордонь разлеглись на бордюрах бассейна в Версале. Реки – четверка галопирующих лошадей (Франция в образе женщины, правящая колесницей, запряженной четырьмя лошадьми – Роной, Соной, Сенной и Луарой) – в Лионе в скульптурной группе фонтана работы Огюста Бартольди (автора небезызвестной статуи Свободы в Нью-Йорке). Вообще в Лионе едва ли не десяток аллегорических изображений соития Роны и Соны. В Нанте на Пляс-Рояль благотворительствует горожан статная женщина Луара. Гаронна и Дордонь договариваются о встрече на пьедестале памятника жирондистам в Бордо. Во Франции, в Италии скульптуры-реки везде: у истоков, у слияний, в оформлении фонтанов, на зданиях мэрий, префектур и железнодорожных вокзалов, у минеральных источников, в музеях, в садах. Вспомним и Рубensoв «Союз земли и воды» (Антверпен и Шельда).

Не отстают и Германия с Австрией. В центре Берлина – фонтан Нептуна с Рейном, Эльбой, Вислой и Одером. В Рюдесхайме перед памятником объединению Германии 1871 года «Нидервальд» – бронзовые статуи «отца Рейна» и его «дочери Мозели». Отец Рейн принимает стремящихся к нему девушек (притоки) и в парке Хофгартен в Дюссельдорфе. В Кобленце, в «Немецком углу», наблюдаем пластическое объятие отца Рейна и матери (на этот раз матери) Мозели. Фонтан «Ав-

стрия» в Вене на площади Фрайунг окружен фигурами Эльбы, Вислы, Дуная и По (ведь создавался еще в имперские времена). На венской площади Нойер-Маркт в композиции «Фонтана рек» — фигуры притоков Дуная: Энс, Морава, Траун, Ибс. Фонтан «Данубия» (Подунавье) аллегорически, в лицах, показывающий связь имперской Вены со всей речной системой Дуная. Статуя-фонтан «Морава» (левый приток Дуная) стоит в замке Хоф на востоке Австрии у словацкой границы. Перед австрийским парламентом в композиции фонтана Афины Паллады — Дунай, Инн, Эльба и Влтава.

Висла и Западный Буг отлеживают бока в варшавских Лазенках. В Витебске недавно появились антропоморфные Западная Двина, Витьба и целых две Лучосы, а в брестских Пружанах — спиралеобразное сплетение юноши и девушки, символизирующих два водотока, дающих жизнь реке Мухавец. В зарубежной Европе находим десятки и сотни скульптурных географических аллегорий, выражающих понимание национальным творческим сознанием важности водных артерий для становления городов, государств, цивилизаций. Почти обожествление рек.

У нас же, чтобы найти ближайшее к рыбинской «Волге» скульптурное олицетворение реки, нужно проехать полтысячи километров либо на северо-запад, в Петербург (где под ростральными колоннами стрелки будто бы сидят Волга, Днепр, Волхов и Нева), либо на юго-восток (где под Пензой у истока Хопра задумчиво разрушается коренастый Дед Хопер), либо на юг (где в городском парке Новомосковска обнаженные юноши Дон и Шат верхом на конях украшают своими пластичными телами условный исток Дона). Поближе, правда, есть небольшая скульптура «Река Истра», установленная недавно в одноименном городе. За пределами Волго-Окского междуречья — и недавно появившиеся «Дон-батюшка» в Ростове-на-Дону, и группа фонтанов «Волга и Нева» в Астрахани, и каскадный фонтан «Реки Сибири» в Красноярске. И уж тем более памятник Амуру и Зее в Благовещенске и белоснежная «Красавица Лена» в якутском Олёкминске.

Рейн

Швейцарию принято изображать как статную деву, держащую наготове копье и щит. Но там, где Рейн готовится покинуть пределы страны, — в Базеле, — бронзовая «Гельвеция», забыв о своей настороженной воинственности, устало отложила оружие. Поставив рядом старомодный дорожный чемодан, она присела на парапет набережной, свесив босые ноги к реке. Слегка ссутулившись, обычно горделивая персонификация Альпийской республики глядит на ускользающие воды Рейна, в будущность европейской реки. Это скульптурная композиция *Helvetia auf der Reise* — «Гельвеция в пути». Отправимся и мы, следуя взгляду статуи, вниз по Рейну в поисках символических меток, которые река оставляет

вдоль своего течения в скульптурном убранстве прибрежных городов.

«Рейны» на Рейне

Страсбург в былые времена буквально фонтанировал аллегорическими изваяниями Рейна. В бытность свою германским (после Франко-прусской войны) город украсился фонтаном «Отец Рейн». Атлетического сложения бронзовый бородач в набедренной повязке встал — с судовым багром в одной руке и увесистой рыбиной в другой — над обширным бассейном в центре города. Встал, но простоял недолго: после Первой мировой войны вернувшиеся французские власти фонтан демонтировали. Казалось бы, за что? Ведь Рейн — давняя заветная цель французской геополитики и почему бы не чтить аллегорию желанной реки на своей воссоединенной территории? Но во французской экспансионистской доктрине Рейн — рубеж, «естественная граница», периметр. Немецкий же концепт «отец Рейн» — это представление о реке как стержне нации, по обеим сторонам которого должна кишеть германская жизнь. Французов, относящихся к Рейну как к трофею, не могло устроить непрощенное отцовство, и *Vater-Rhein-Brunnen* был изгнан с городской площади. Но не исчез совсем, вскоре мы увидим его в совсем другом месте.

Впрочем, фигура «отца Рейна» могла устраивать французов, если Рейн представляли не как аллегорию целой нации, а как отца локального семейства. Если его приземляли — женили на местных. В таком примирительном духе было задумано скульптурное оформление построенного еще до Франко-прусской войны железнодорожного моста через Рейн, соединившего Страсбург и Кель (Кель — страсбургский визави на правом берегу, на немецкой, баденской тогда, стороне). Портал на левом, французском, берегу украшали скульптуры «Отец Рейн» и «Мать Иль» (Иль — левый приток Рейна, текущий почти ему параллельно и образующий композиционную ось Страсбурга). На правом берегу в нишах портала восседал все тот же отец Рейн, но на этот раз в сочетании с «Матерью Кинциг» (Кинциг — небольшой правый приток Рейна, протекающий через Кель и впадающий в Рейн на окраине этого городка). Такая, краеведческого масштаба, интерпретация реки не раздражала. Это, однако, не спасло мост Согласия (*Eintrachtsbrücke*) от разрушения в ходе военных действий Франко-прусской войны. *Mutter Kinzig* была впоследствии обнаружена на дне Рейна, тогда как парный «Рейн» найден не был. Потерявшая скульптурного мужа скульптура-вдова была отреставрирована, и ныне длинноволосая обнаженная «Кинциг» («самая красивая девушка Келя»), делающая полушаг к соитию с Рейном, служит центральной фигурой памятника погибшим в войне 1870–1871 годов, установленного на рыночной площади Келя.

Хотя мирная маленькая Кинциг и умудрилась сделаться символом войны двух великих наций,

изначальный замысел скульптурного убранства моста не был державным. Браки Рейна с речками Иль и Кинциг — не более чем топографические сочетания. А вот супружество Рейна с Мозелем (во избежание превратной трактовки подправим написание: с *Мозелью* — и по-французски, и по-немецки Мозель женского рода) отдает уже геополитикой. И такой горельеф, созданный в 1899 году, при немцах, по сю пору красуется на фронте одного из корпусов университетской библиотеки в страсбургском Нойштадте. Восседающие бок о бок над городом обнаженные Рейн и Мозель — не просто реки, это соответствующие им сегменты речных бассейнов: соблазнительные тела Эльзаса и Лотарингии, вековое яблоко раздора. Горельеф, напоминающий о полувековом существовании имперской земли Эльзас-Лотарингия (Reichsland Elsaß-Lothringen) не разделил судьбу фонтана «Отец Рейн», возможно потому, что скульптор Альфред Марцольф (в отличие от автора фонтана — «варяга», германца Адольфа Гильдебранда) — свой, эльзасец, природный страсбуржуа. К тому же Марцольф сразу по возвращении Эльзаса Франции с усердием взялся за французскую патриотическую тему, в частности создал в Страсбурге памятник «Марсельеза».

Бородатые «Рейны» возлежат или полувозлежат в замковых парках — в Гейдельберге, Шветцингене и Вормсе. Два первых города при этом не стоят, собственно, на Рейне, а находятся на его притоках — Неккаре и Леймбахе соответственно. Замки в этих городах служили резиденциями курфюрстов Пфальца, владения их простирались и на прирейнские земли, так что появление здесь аллегорических «Рейнов» вполне объяснимо. Гейдельбергский «Отец Рейн» в парке Hortus Palatinus — старейший в семействе рейнских скульптур-персонификаций — датируется 1614–1620 годами. В XVIII веке пфальцский курфюрст стал и курфюрстом баварским; тогда Старый мост в Гейдельберге был украшен статуей самого Карла Теодора в окружении аллегорий четырех пфальц-баварских рек — Рейн, Мозель, Дунай и Изар. Реки разных бассейнов семантически соединились через водораздел. В Шветцингене «Рейн» также соседствует с «Дунаем»: божества рек расположились на искусственных островках-постаменте посреди пруда.

Посреди немецкого Рейна, на полпути от швейцарской до нидерландской границы, не какой-либо замок, не какой-либо город, но вся Германия, всей своей имперской территорией восклицает: «*Exegi monumentum!*» На высоком правом берегу Рейна, над городком Рюдесхайм на ярусном постаменте вознеслась — в венке из дубовых листьев — аллегорическая женщина-Германия. Это нидервальдский памятник, воздвигнутый полтора столетия назад в ознаменование создания Германской империи. В основании постамент фундаментальные фигуры отца Рейна и дочери Мозель. На этот раз — дочери, а не супруги: Мозель ведь не стал даже тогда без-

раздельно немецким. Зато старина Рейн перестал быть пограничной рекой и может передохнуть: мужская фигура передает женской сигнальный сторожевой рожок: теперь (то есть тогда) Мозель — молодая защитница молодых рубежей матерюющего империалистического хищника.

Ниже по течению, в Кобленце, — вновь скульптурная группа, изображающая Рейн и в любовной ласке прильнувшую к нему Мозель. И то, где еще быть такому памятнику, как не в Кобленце, городе, стоящем при слиянии двух названных рек. Правда, скульптурная супружеская пара (опять супруги) милуется не на самой стрелке — то почетное место (так называемый «Немецкий угол») занято помпезным памятником Вильгельму I, — а поодаль, в парке. В парке бывшего дворца курфюрста, то есть скульптура размещена по тому же «административному» принципу, что и упоминавшиеся «Рейны» в дворцовых парках Гейдельберга, Шветцингена и Вормса. В отличие от отца и дочери Нидервальдского монумента, кобленцские Vater Rhein und Mutter Mosel, созданные в 1854 году, задолго до имперских подвигов немцев, не имеют экспансионистского подтекста. Просто средствами ваяния констатируется главная особенность географического положения города, его *raison d'être* — соединение благодетельных реки-отца и реки-матери (кобленцские краеведы, впрочем, предлагают свою интерпретацию парноидиллической скульптуры: это якобы нежные мечтания принцессы Августы о счастье в не очень радостном в действительности браке с принцем Вильгельмом, будущим императором, а тогда еще губернатором прусской Рейнской провинции с центром в Кобленце).

Крупнейший город на Рейне, Кёльн, словно догоняя расположенных выше по течению соседей — обладателей скульптурных аллегорий реки, — в 1922 году обзавелся живописным фонтаном «Отец Рейн с четырьмя дочерьми» работы того же скульптора, что и уже упоминавшийся фонтан в Страсбурге. Страсбургского папашу Рейна выставили из города французы за излишнюю «немецкость», а многофигурную семью Рейна с дочками немцы удалили из Кёльна за «немецкость» недостаточную: Адольф Гильдебранд был евреем по материнской линии. Его фонтан на бульваре Кайзера Вильгельма, не прожурчав и 20 лет, был демонтирован в 1939 году. Это, однако, еще не все о приключениях «Рейна» этого скульптора.

Самая изобретательная, самая пластически сложная скульптурная аллегория реки — в Дюссельдорфе. На вершине пирамидальной композиции-фонтана (Vater Rhein und seine Töchter) (возведен в 1897 г.) восседает нептунообразный Рейн, подъявший, как трезубец, весло-кормило; у его ног четыре дочери. Автор памятника не поясняет, являются ли обнаженные «дочери» отвлеченными фантастическими существами на манер вагнеровских речных нимф или символизируют конкретные притоки Рейна. Однако по некоторым деталям можно предположить,

что одна из женских фигур, с атрибутами искусства (намек на знаменитую Дюссельдорфскую художественную школу; ее посещал, между прочим, Шишкин), — Дюссель, а еще одна, с атрибутами промышленности, — Рур. Мозельская пограничная тема здесь, на севере, не так актуальна. Скульптурная композиция в целом символизирует немецкий бассейн Рейна — ту территорию, которую принято было именовать Рейнской провинцией. Общемецкого пафоса памятнику придают фигуры из «Песни о Нибелунгах», помещенные в нижней части, — золото Рейна в виде имперской короны и меча; их охраняет дракон.

В Дуйсбурге пошли дальше: самого Рейна превратили в наполовину дракона. На барельефе здания ратуши он с человеческим торсом, но с заливатски выющим русалочьим хвостом.

В конечном итоге водного пути по Рейну, в связанном с ним каналом Амстердам обнаруживаем еще одну персонификацию реки — выложенное фигурным красным кирпичом лицо (учитывая пластические возможности кирпича, вернее сказать: образа) Рейна. «Руки» составлены из названий притоков — Неккар и Майн. Так украсила фасад Дома судоходства (Scheepvaarhuis), ныне отель, одна из компаний, осуществлявших торговое движение по речной системе Рейна. По кирпичным буквам бегут какие-то рельефные струйки; было бы слишком просто, если бы они символизировали только воду. Нет, по замыслу скульптора Хильдо Кропа это еще и волосы Лорелеи.

Рейнский романтизм: скульптурные мифология и идеология

«Лорелея» и «Песнь о Нибелунгах» — вот два мифологических сюжета, прочно прикипевшие к рейнской пространственно-семантической оси. До сих пор — в Дюссельдорфе и Амстердаме — мы встретили эти мотивы лишь в виде неприметных деталей к фигурам основного персонажа, собственно Рейна, как гарнир к основному блюду. Между тем «рейнский романтизм», зародившийся в поэзии и беллетристике, набравший обороты в живописи и музыке, проявил себя и в целом ряде самостоятельных скульптур в городах и городках долины.

Вормс, расположенный на Рейне примерно на полпути между Страсбургом и Кобленцем, позиционируется как ключевой пункт «Песни». Недалеко от ратуши струится фонтан Зигфрида (Siegfriedbrunnen) работы все того же Гильдебранда (странно: здесь еврейское происхождение автора не помешало сохранению памятника немецкому легендарному герою). Неуязвимый драконобойца стоит, с чувством исполненного долга опираясь на меч, другой рукой приподнимая увесистый хвост побежденного змея. На набережной — выразительный динамичный памятник: бронзовый Хаген бросает в реку сокровище Нибелунгов (золото Рейна). Есть малых форм многофигурный фонтанчик Нибелунгов,

есть — возле собора — спор стилизованной Кримхильды со стилизованной же Брунхильдой.

Скульптурные Зигфриды и прочие рейнские Нибелунги есть также во Франкентале, Кёнигсвинтере (правый берег Рейна, напротив Бонна), Карлсруэ. В Бонне, в парке бывшей виллы Хаммершмидта, — остатки «Гроты Нибелунгов»; сохранился, в частности, каменный рельеф с изображением косматой головы Отца Рейна и карлика-нибелунга Альбериха, забирающего золото Рейна (XIX в.; вагнеровский сюжет).

Пауза между нидервальдским монументом в Рюдесхайме и Кобленцем заполнена скульптурными интерпретациями легенды о рейнской нимфе Лорелее. В Бахарахе она — работы местной женщины-скульптора — чешуйчатая уродина с раздвоенным хвостом. В Санкт-Гоарсхаузене, где, собственно, и находится та скала, на которой будто бы сидела коварная нимфа, — скульптурных Лорелей целых три: на склоне скалы (1979), на косе речного затона (1983) и у окончания туристической тропы (2023). Разной степени прелести и наготы. Есть также вытесанный в каменной глыбе «трон» Лорелеи с прикованным на цепочке большим металлическим гребнем: туристки могут сфотографироваться за любимым занятием мифической обольстительницы — демонстративным расчесыванием прекрасных кудрей. Есть памятный знак в честь создателей самого главного рейнского мифа — поэтов Клеменса Брентано и Генриха Гейне и композитора Фридриха Зильхера. В Бахарахе — трехфигурная стилизованная композиция: те же Брентано и Гейне, но еще и Виктор Гюго (он в описании своего путешествия по Рейну прославил реку и способствовал расцвету рейнского романтизма).

Среди памятников рейнским идеологам нужно вспомнить и кобленцкого юношу, устремленного к Рейну. Это памятник местному уроженцу Йозефу Гёрресу — мыслителю, разрабатывавшему рейнскую тему, выступавшему даже за независимость Рейнской провинции. Романтический юноша, олицетворение идей Гёрреса, — на одной планировочной оси с упомянутой скульптурой «Отец Рейн и мать Мозель». На постаменте выбито Гёррессово изречение: «Рейн — это пульсирующая кровеносная артерия Германии».

Вершина рейнской идеологии — «Стража на Рейне», одна из самых известных патриотических песен Германии. Ее куплеты высечены на постаменте нидервальдского памятника, а расположенный выше огромный бронзовый барельеф выражает идею единения немцев на Рейне: вожди северо- и южно-германских государств сплавляются у фигуры будущего императора:

*На Рейн, на Рейн, кто станет в строй
Немецкий Рейн закрыть собой?*

Отдельная тема рейнской скульптуры — монументальное выражение признательности труженикам

речных профессий. В Страсбурге мост, носящий ныне имя Кеннеди, известен как Мост четверых мужчин, или Мост гигантов. Его украшают каменные, работы уже известного нам Марцольфа, фигуры двух рыбаков, бурлака (haleur) и рабочего, добывающего гравий со дна реки (pelleteur). В Гермерсхайме (ниже Карлсруэ) фигура бурлака (Der Treidler an der Germersheimer Rheinpromenade) напрягает свои изваянные в дереве мускулы, чтобы не отстать от движущихся рядом по береговой дорожке вдоль Рейна велосипедистов и бегунов. Штюргельберг (ныне район города Дормаген, между Кёльном и Дюссельдорфом) был известен мелью на Рейне, и перетаскивание рейнских барж через мель было обычным занятием жителей до 1860-х годов; буксировка судна на конской тяге увековечена бронзовой скульптурной композицией Treidelschiffahrts-Denkmal (возведена в 2001 г.). На Неккаре, притоке Рейна, в Эбербахе — еще одна, очень экспрессивная и не по-немецки динамичная бурлацкая скульптурная группа из трех фигур, с нечеловеческим напряжением тянущих лямки, привязанные к общему канату Treidler-Denkmal in Eberbach (возведена в 2010 г.; скульптор Вальдемар Шрёдер — из российских немцев).

В Санкт-Гоарсхаузене улицу украшает «Эрнст, ловец лосося» (Ernst der Salmfischer), держащий под жабры рейнскую рыбину почти в человеческий рост, словно Зигфрид — дракона. В Кёльне на набережной — оригинальная скульптура «Матрос-швартовщик» (Der Tauzieher); в районе Мюльхайм — аллегорический фонтан «Судоходство» (Schiffahrtsbrunnen). В Эмерихе (почти у нидерландской границы) на пешеходной набережной — бронзовые «Перевозчик» (Fahrman Brunnen) и «Швартовщик-разнорабочий» (Poortekerl). Особый памятник тяжелой работе, произведенной на реке, — возле Бингена (на левом берегу Рейна напротив нидервальдского монумента). Это каменный пилон, вырастающий из нагромождения осколков скальной породы, напоминание о произведенных здесь взрывных работах по улучшению и обеспечению безопасности судового хода в теснине (Denkmal zum Binger Loch (возведен в 1832 г.).

«Рейны» вне Рейна

Мы уже встречали аллегорические изваяния «Рейнов» в парках Гейдельберга и Шветцингена — городов, не лежащих на Рейне. Но они хотя бы в рейнском бассейне, на близких притоках. И принадлежали тогда «местному» для части Рейна Пфальцу. Но курфюршества стали уходить в прошлое, образовалась единая империя со столицей в Берлине. И теперь за пределами рейнского бассейна (а Берлин, напомним, стоит на Шпрее, притоке Хафеля, впадающего в Эльбу) скульптурных «Рейнов» едва ли не столько же, сколько на самом Рейне.

Самый известный — сменивший пол и в обличье женщины с гроздьями винограда и рыбацкой сетью сидит на парапете фонтана «Нептун» (Neptunbrunnen) в самом центре Берлина, недалеко от телебашни. Сидит Рейн не в одиночестве, а в компании еще трех женщин-рек — Эльбы, Одера и Вислы. Это основные реки прежней Пруссии, все — текущие на север. Хотя фонтан создан в 1891 году, то есть через два десятилетия по провозглашении империи, на баварский Дунай берлинцы не покусились. При этом современных политкорректных берлинцев немало не смущает, что Висла давно уже стопроцентно польская река.

Тот же набор рек (опять без Дуная) и в двух более ранних берлинских скульптурных композициях — фонтане Врангеля (Wrangelbrunnen) в Кройцберге (здесь Рейн — мужчина с мечом в выжидательной позе) и в скульптурной группе в Тиргартене (непомерно уса́тый Рейн сидит, а рядом стоят мальчик с рыболовной сетью и девочка с корзиной винограда — сырьем для рейнвейна). Как видим, берлинский столичный образ Рейна, удаленный от треволнений французского фронта, — скорее экономико-географический (винная изюминка), нежели геополитический.

Виноград и винную чашу среди атрибутов Рейна мы обнаружим и в очередной его берлинской персонификации на площади Рюдесхаймер. Обнаженный мужчина с веслом (Рейн) и обнаженная женщина с гроздьем и чашей (река На́з, левый приток Рейна; долина славится виноделием) лежат по разные стороны центральной фигуры. А эта центральная фигура, придающая мирной лежащей идиллии тревожно-героический акцент, — Зигфрид, держащий под уздцы вздыбленного коня. Это Siegfriedbrunnen 1911 года сооружения, за три года до начала мировой войны.

Берлин с по меньшей мере четырьмя монументальными аллегориями Рейна как бы утверждает свое столичное право на эту реку. Но у нее есть и другая столица — Париж, прикосновенный ныне к левому берегу на эльзасском участке и веками стремившийся к более полному обладанию стержневой рекой Европы. Старейшее пластическое изображение Рейна в Париже — рельеф на Воротах Сен-Дени (Porte Saint-Denis, 1674). Арка воздвигнута в честь побед Людовика XIV в Голландии, в низовьях. Фигура Рейна, с веслом и рогом изобилия, изображена в основании пирамиды из воинских трофеев. Французы тогда вошли в Нидерланды вдоль Рейна со стороны Кёльна, совершив при этом дерзкое форсирование реки (битва при Толхуисе, 1672 г.). Достославный переход через Рейн аллегорически изображен на барельефе в Версале: король в античных доспехах наступает на лежащего у его ног обнаженного старца-Рейна, тот слабым взмахом руки неудачно пытается защититься. Это единственный, и весьма красноречивый, пример изображения аллегорической реки в единой композиции и во взаимодействии с реальным историческим пер-

сонажем. Собственно, с завоеваниями Людовика XIV и связано утверждение Франции на Рейне и Шельде.

Главная площадь Франции — площадь Согласия. На ней Фонтан рек (Fontaine des Fleuves). Женские фигуры символизируют плодородие речных долин. Две мужские — конкретные реки. Какие реки логично было бы выбрать, чтобы их олицетворения посадить над чашей центрального фонтана страны? Столичную Сену, знаменитую своими замками Луару, Гаронну с ее дерзкими гасконцами? Ничуть не бывало: Рейн и Рона (Рон по-французски мужского рода). Эти две реки, в сочетании с Соной, образуют на востоке страны, в ее пригерманской и пришвейцарской части, мощный меридиональный коридор развития. И не потому ли эти реки были замечены, что архитектор площади Согласия Жак (Якоб) Хитторф сам был с берегов Рейна: немец, уроженец Кёльна? Ещё один Рейн (уже четвертый парижский) облокачился на циферблат часов на фасаде парижского Восточного вокзала. По другую сторону циферблата пару ему составляет Сена. Часы другого крыла здания своими телами обрамляют Марна (приток Сены) и Мёз, то есть Маас (река образует общую дельту с Рейном). Парные скульптуры выражают межбассейновую связь между Парижем и водосбором Северного моря: секущая водоразделы железная дорога дает дополнительный импульс французским устремлениям к Рейну.

«Рейны» на Рейне, «Рейны» в двух тягущихся за Рейн национальных столицах — Берлине и Париже. А есть ли скульптурные персонификации Рейна в других городах? В Нанси, исторической столице Лотарингии, с середины XVIII века стоит фонтан союза трех рек (Fontaine d'Alliance). Скульптор вдохновлялся знаменитым творением Бернини — фонтаном Четырех рек на Пьяцца Навона в Риме. Но в качестве своих героев избрал не «вселенские» Нил, Ганг, Дунай и Ла-Плату, а региональные северофранцузско-германско-нидерландские Шельду, Маас и Рейн. Сам скульптор, Сифле, — уроженец фламандского Брюгге (ныне в Бельгии), так что неудивительно, что векторы его речных предпочтений ориентированы на Северное море (и никаких Сен, Сон, Луар, Гаронн). Его гидрогерои, журча, убегают из Франции в богатые Низовые земли; так вскоре поступил и сам скульптор.

Наконец, вернемся к судьбе Гильдебрандова «Отца Рейна» из Страсбурга. Как мы помним, вернувшиеся в Эльзас после Первой мировой войны французские власти попросили германского «отца» вон с площади. Фонтан демонтировали. Однако немцы своего не бросили. Город Мюнхен выменял у Страсбурга статую на другую и в 1932 году смонтировал фонтан у себя. Фактически изгнанная западным соседом аллегория обрела политическое убежище, отеческий приют в столице Баварии. Об этом в корректной форме жителям и гостям Мюнхена сообщает памятная табличка. Национальный символ «Рейн» скульптурным изображением

и фонтанными струями ожил на Изаре, притоке Дуная; главный поток североморского бассейна — в черноморском. Любопытно, что мюнхенцев, да-ром что их город вскоре оказался очагом германского нацизма, еврейское происхождение скульптора не смутило. Видимо, желание продемонстрировать праведную обиду на французов оказалось сильнее юдофобских предрассудков.

Волга

Аллегии Волги

Волга втрое длиннее Рейна и вдесятеро менее насыщена речными скульптурными аллегориями. Автору настоящей статьи известны пять монументальных «Волг». При этом три из них не на Волге. Первая, самая старая и самая известная «Волга» сидит на стрелке Большой Невы и Малой Невы у подножия одной из ростральных колонн, сидит на пару с «Днепром»; у другой колонны — «Волхов» и «Нева». (Так, по крайней мере, повелось трактовать эти аллегорические фигуры, хотя у Тома де Томона, архитектора ансамбля стрелки Васильевского острова, указаний на такую интерпретацию скульптур нет). Принятый набор рек призван обозначить преемство Санкт-Петербурга в пространственно-динамическом ряду исторических русских столиц — Новгорода (Волхов), Киева (Днепр), Владимира и Москвы (бассейн Волги).

Еще две неволжские «Волги» и вовсе за рубежами страны. Скульптурная композиция «Две реки: Висла и Волга» (Dwie rzeki: Wisła i Wołga) работы 1985 года польской женщины-скульптора Терезы Брзоскевич на Маршалковской улице Варшавы символизирует польско-советскую дружбу: две сидящие женщины в по-речному «взволнованных» платьях ведут задушевный разговор. Памятник стоит у здания, в котором прежде размещался кинотеатр «Ока». Ока в истории ПНР — говорящий гидроним: на берегу этой реки, в рязанской Мещёре (Селецкие военные лагеря) в 1943 году началось формирование 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, прообраза Войска Польского. Самая молодая (2020) «Волга», летящая на волне, динамичная и устремленная, установлена в древней столице Китая городе Нанкине, в международном парке Дружбы (автор — ярославская скульптор Елена Пасхина).

Собственно волжская «Волга», квинтэссенция великой реки, статуя у шлюза Рыбинского водохранилища, установленная в 1953 году, — словно бы пластическое прочтение строк знаменитой песни Дунаевского и Лебедева-Кумача из фильма «Волга-Волга»:

Красавица народная, —
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная...

Хотя и принято считать этот памятник рыбинским (и Рыбинск на сувенирной продукции нередко ис-

пользует изображение «Волги» как свою визитную карточку), он вовсе не вписан в городскую ткань. Напротив, расположен в десятке километров от ядра города. К нему даже подойти нельзя: охранная зона гидроузла. Приблизиться можно только на судне или зимой по льду. По своему общегосударственному пафосу и относительно изолированному положению «Волга» сродни нидервальдскому памятнику: к тому на гору добираются от Рюдесхайма тоже экзотическим путем, по канатной дороге. Отличие в том, что посещение рейнско-германского памятника всячески поощряется, это элемент своего рода национального паломничества немца; «Волга» же — лишь минутное развлечение для пассажиров проходящих мимо круизных теплоходов.

Пятая «Волга» — единственная из аллегорий реки в собственно городской ткани волжского города. Речь идет о скульптуре «Волга» на астраханской площади Ленина. Но и здесь мы не находим прославления своей Волги «в чистом виде». Скульптура — лишь часть фонтанного комплекса «Нева — Волга». Современная (2008) реплика скульптурной группы роstralных колонн, аллегорический путь из Балтики в Каспий. Меридиональная «Волга» стоит, широтная медлительная «Нева» лежит. Комплекс был задуман и сооружен петербургскими архитекторами.

Волжская тема

Как видим, сами волжские города не проявляют инициативы к скульптурной персонификации своей реки. Однако нельзя сказать, что волжская тема обойдена в волжской скульптуре. Волжская скульптура не аллегорична, но набор сюжетов не беднее рейнского. Помните «Гельвецию» на базельской набережной с дорожным чемоданом — символ начала пути? В Твери легендарный волжский путь на ладье начинается бронзовый «Афанасий Никитин», а в Рыбинске, самом северном городе на Волге, завершается путь барж с низовьев, и «Бурлак» (памятник, установленный здесь в 1977 г.), может передохнуть.

Волгу не воспевали Гейне и Гюго, но главную волжскую песню сложил рыбинский уроженец Лев Ошанин:

Сказала мать: «Бывает всё, сынок.
Быть может, ты устанешь от дорог.
Когда домой придёшь в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти».

Памятник поэту в 2003 году установлен у парапета волжской набережной Рыбинска. Другой поэт, писавший о Волге, Андрей Дементьев, недавно появился в виде памятника на набережной в своей родной Твери; на каменных «страницах» — его строки:

Я возвращаюсь к волжским берегам,
Откуда начинается Россия.

Главный мифологизированный волжский герой — Степан Разин. Памятник ему поставлен в 2008 году на волжской протоке Ахтубе в поселке Средняя Ахтуба, где Разина считают основателем населенного пункта. Два других памятника Разину и его ватаге — на транспортном продолжении Волги, Нижнем Дону, соединенном с Волгой каналом. Возле Волгодонска, на выходе из Цимлянского водохранилища, — оригинальная композиция из деревянных скульптур (1981): в ладье, помещенной на металлических сваях прямо посреди донских вод, плывут легендарный атаман и семеро его приближенных. Этот памятник, как и рыбинская «Волга», — на отшибе города (заброшен и разрушается). Еще одна скульптурная дружина разинцев собралась на набережной Ростова-на-Дону (1972 г.; авторство модели приписывают знаменитому Сергею Конёнкову). Между ними пресловутая персидская княжна. Еще бы небольшое развитие пластического сюжета — и мы наблюдали бы волжский аналог «Хагена, бросающего в Рейн сокровище Нибелунгов» из Вормса. Но тут все-таки Дон (о чем с 2013 г. недвусмысленно напоминает неподалеку расположенный памятник «Дон-батюшка» с державой в руке), а Разину, хоть сам он и с Дону, метать персиянок положено в Волгу.

Собственно, на Волге присутствие мятежного атамана обозначено огромным металлическим креслом, сооруженным на вершине воспетого в знаменитой песне утеса Степана Разина (граница Саратовской и Волгоградской областей). Вспомним высеченное в каменной глыбе кресло с прикованным на цепочке гребнем в Санкт-Гоарсхаузене. На том «троне» Лорелея, расчесывая свою пленительную шевелюру, привлекала взоры кормщиков, те теряли бдительность и суда разбивались о скалу. На волжском «троне» будто бы восседал Разин и, обозревая панораму реки, указывал, какие купеческие караваны грабить и топить. Чем не наш Лорелей?

А где же наши Нибелунги, где мифические гномы, сторожащие речные сокровища? Вот они: тянут баржу с золотом-зерном Поволжья по самарскому берегу. Полтора века назад Илья Репин подсмотрел в этих местах и создал эпический образ речного народца. Недавно картина приняла трехмерные формы. Бронзовая скульптурная композиция «Бурлаки на Волге» по репинской картине была установлена в Самаре на центральной набережной в 2014 году.

В волжских городах, как и в рейнских, много, и даже больше, памятников людям труда, связанных с рекой. Помимо эпичных бурлаков, это судостроители, мостостроители, судоводители. В Казани — две многофигурные композиции памяти мастеров-корабелов Казанского адмиралтейства, основанного по петровскому указу и просуществовавшего более века: «Бишбалта» и «Умельцы Бишбалты» (Бишбалта — татарское название Адмиралтейской слободы). В Нижнем Новгороде, в Сормове, недавно открыты

памятники основателю Сормовского завода (сейчас — «Красное Сормово») Дмитрию Бенардаки и конструктору судов на подводных крыльях Ростиславу Алексееву. На Нижне-Волжской набережной в 2013 году установлена скульптурная группа «Труженикам Волги» (капитан с биноклем и рулевой за штурвалом смотрят в волжские дали). В Ульяновске при въезде на Президентский мост в 2021 году открыли памятник мостостроителям. Памятник погибшим в 1930-е годы строителям моста через Волгу есть на окраине Саратова, в поселке Укек.

На Нижней Волге есть несколько памятников речникам — участникам Сталинградской битвы, но это не скульптуры людей, а главным образом композиции с якорем. Зато над Волгой высится главная скульптура страны — «Родина-мать» на Мамаевом кургане. Мы уже сравнивали рыбинскую «Волгу» с нидервальдским памятником на Рейне; аналогия там далеко не полная. Нидервальдский памятник связывает воедино понятия «Рейн» (скульптура пьедестала) и «Германия» (венчающая торжествующая статуя родины немцев). В Рыбинске же «Волга» лишь с намеком на «Россию». Волгоградский памятник — такое же место национального паломничества, как и Нидервальд, но побеждающая «Родина» здесь лишь с намеком на «Волгу». Но намек этот вербализован: на скальном основании расположенной у подножия «Родины-матери» скульптурной композиции «Стоять насмерть!» начертано: «За Волгой для нас земли нет». Эта же надпись повторяется на бетонных стенах-руинах, входящих в состав мемориального комплекса. Таким образом, так же, как и с помощью куплетов «Стражи на Рейне» (начертаны, напомним, на постаменте «Германии»), аллегория Страны иностранственно-семантически связывается с экзистенциальным рубежом Реки.

Географическое масштабирование речных аллегорий

Персонифицируя свою реку или реки, город может выражать чувства и идеи разной заостренности и разного пространственного размаха.

«Река» для горожанина

Простейший случай — город выражает радость, что здесь протекает его река, благодарит реку творчески интерпретированным изваянием. Своей Темзой, вернее «Отцом Темзом», гордится Лондон. В городе по меньшей мере шесть пластических Father Thames: три полноформатных скульптурных изваяния и три рельефа. Изваяния возлежат перед особняком Хэм-Хаус (1775) и на пьедестале памятника Георгу III (1779), но мощнее и эпичнее выпрямившийся в полный рост, взмахивающий трезубцем и перстом указующий водный путь к морю — на фасаде бывшего здания портовой администрации Лондона (1922 г.; ныне в здании отель). Рельефы: каменная голова «старого отца Темза» украшает парапет

крыльца ратуши лондонского района Хаммерсмит (Hammersmith Town Hall) 1939 года постройки; каменное барельефное лицо (маскарон) «отца Темза» из гербового картуша смотрит на проплывающих под мостом Кью-Бридж (1903). И наконец, полихромный барельеф на набережной Девяти Вязов (Nine Elms): голый полубог Темз шагает по дну реки, таща на плече здорового дельфина, а вокруг шевелят плавниками и сучат щупальцами всевозможные водные жители (1988). Еще один «отец Темз» (1853) лежит в городке Лечлейде, пункте начала судоходства по реке.

В Париже на лужайке близ моста Альма готовится, словно Макрон перед Олимпиадой, купаться обнаженная полнотелая бронзовая Сена (работа Жерара Шоэна 1962 г.).

В пригороде Лиона, городке Живор, приподнялся на локте каменный хорошо сложенный Рон (Рона, напомним, по-французски мужского рода). Старинная статуя мужчины в набедренной повязке из виноградной лозы, олицетворяющая несущийся с Апеннин горный поток (торренте) Кростоло, возвышается на центральной площади итальянского городка Реджо-нель-Эмилия. В польском Щецине на фронтоне сохранившихся с прусских времен барочных Берлинских ворот XVIII века (у поляков — Brama Portowa) возлежит Виадрус — божество реки Одер. В австрийском Зальцбурге на набережной Франца-Иосифа — скульптура молодой девушки Зальцах, изливающей из кувшина питьевую воду (Salzachweibchenbrunnen), установленная в 1867 году; Зальцах — название реки, на которой стоит Зальцбург). Лежачие или стоячие — все эти «реки» относительно статичны. Чего не скажешь об аллегории реки Инн (приток Дуная), появившейся в 2008 году над мостом через реку в южно-баварском пограничном с Австрией городке Зимбах-ам-Инн. Отважный маленький Энус, божество Инна, мчит на гигантском, хищной спиралью выгнувшемся лососе вниз по течению. Ввиду того, что божество прикрыто набедренной повязкой лишь спереди, оно демонстрирует голые филейные части австрийскому берегу. Это тревожит правобережных соседей, и они отпускают в адрес статуи полушутливые критические замечания. Но нельзя не признать, что этот «Инн» поистине новое слово в многовековой истории скульптурных персонификаций рек.

Пекин благодарит свою реку Юндинхэ статуей «Матерь Юндин» в парке района Мыньтоугоу (начало XXI в.).

В 1967 году в якутском Верхневилуйске учитель черчения Егор Крылатов и фельдшер, народный умелец Анисим Прокопьев создали памятник «Матушка Вилуй» («Хотун Бүлүү»): женщина на гребне волны в простертой вперед руке протягивает Родине драгоценный камень. Скульптура из железобетона установлена в центре фонтана. Внук Анисима Прокопьева, уроженец Верхневилуйска скульптор Николай Чоччасов достойно продолжил дело:

в 2015 году им была создана и установлена в Олёкминске чрезвычайно красивая «Красавица Лена» в белоснежном струящемся платье. Эта статуя получила широкую известность, и, по-видимому, именно она послужила источником вдохновения и образцом для ряда речных персонификаций, появившихся в нескольких малых городках и поселках Сибири и ближнего Севера в первом-втором десятилетиях нашего века. Набережную свердловского Красногвардейска в 2018 году украсила статуя Турьи (приток Сосьвы, бассейн Оби); тогда же работа местного кузнеца — памятник реке Нытва (приток Камы) с рыбкой на ладони — появилась на берегу заводского пруда пермского городка Нытва. В самом северном городе Пермского края с 2013 года радует глаз фонтанная скульптурная группа «Хранители земли Вишерской»: мраморные горы-богатыри Ветлан и Полюд и между ними красавица-река Вишера. Девушка, выходящая из воды, аллегория реки Белой (приток Ангары), появилась в поселке Новомальтинске Усольского района Иркутской области в 2020 году (в общих чертах бетонная скульптура повторяет олёкминскую «Лену»). В 2022 году в Прилузском районе Республики Коми, в селе Ношуль установили оригинальную «Реку Лузу»: женская фигура из металлических полос. Достоин внимания, что эти скульптуры выполнены по местной инициативе местными скульпторами или вовсе народными умельцами.

Достоин внимания и то, что все эти реки монументально прославлены в совсем небольших, мало кому известных населенных пунктах. И главным образом удаленных от Центральной России (среди сибирских «рек» нельзя также не отметить бронзовую женщину «Томь», с 1982 года парящую над паркетом набережной в центре Кемерова). В том ли дело, что периферия, менее насыщенная историко-культурной памятью, творческим зрением внимательнее присматривается к своей физической географии?

В Центральной России, принимая во внимание высокую заселенность и давнюю освоенность речных долин, скульптурных персонификаций рек на удивление мало. Выделяется «Истра», женское олицетворение реки, протекающей через одноименный подмосковный город. Динамичная скульптура местного автора установлена на городской площади в 2004 году. Истра — приток Москвы-реки, а есть ли сама скульптурная «Москва»? Москвичам, похоже, нет дела до своей материнской реки. Единственное ее пластическое изображение принадлежит скульптору азербайджанского происхождения Фахраддину Рзаеву. Голая толстушка с низким лбом, развевающимися волосами и непомерными бедрами (1997) не обратила на себя внимания москвичей. Шаржированное изваяние из желтеющего белого доломита периферийного автора нашло место в маргинальном прибежище — Музее. Город не принял свою «реку».

«Река» с тенденцией

Названные выше российские скульптуры-реки в основном бесхитростны: ими просто хотели выразить принадлежность к миру своей реки. Впрочем, некоторые — не совсем без задней мысли. Упомянутая уже «Красавица Лена» имеет монголоидные черты лица. С одной стороны, это вполне естественно: статуя выполнена якутским скульптором и стоит в Якутии. Но с другой — как бы ставится знак равенства между образами «Лена» и «Саха», забывается, что транспортно-экономическая голова реки во вполне русской Иркутской области, в бамовском Усть-Куте. Об этом можно было бы не упоминать, если бы не общая республиканская «вселенская» (не от «Вселенная», а от «вся Лена») образно-знаковая тенденция: напомним, на гербе Республики Саха (Якутии) воспроизведено наскальное изображение, сделанное, как считается, предками якутов и находящееся в верховьях Лены, на юге Иркутской области.

Еще более тенденциозен «Дон-батюшка», в 2013 году усевшийся на набережной Ростова-на-Дону. Он разодел во все аффектированно этнографически-казацкое (хотя Ростов казачьим городом не был). Но это бы еще полбеды. В правой руке бронзовый Дон держит не бунчук, не булаву, не нагайку, а ни много ни мало державу, символ монаршей — московской или петербургской — власти. Перехватил! Ростовская скульптура выше по течению поддержана еще одним «Доном-батюшкой» — в шолоховской Вёшенской (2016). Там Дон одет победнее (верхотá) и имеет менее самодовольный вид, но тоже, естественно, обличьем казак.

«Река» — нация

Говорим «река», подразумеваем — «нация». Уже отмечалось, что аллегория Рейна прямо отождествляется с немецкой идеей, а рыбинская «Волга» — почти «Россия». К не городским, а общенационального масштаба речным аллегориям можно отнести «Мать-реку Хуанхэ» в китайском Ланьчжоу: лежащая гранитная женщина на волне своего пластичного тела баюкает упитанного китайчонка. Пьедестал украшен волнообразными узорами в стиле древней керамики Ганьсу. Хуанхэ вскормила поколения китайцев — такова идея скульптуры, изваянной пекинской женщиной-скульптором (1986).

Китайцы понимают аллегорию без слов. Американцы же решили сопроводить памятник своей главной реке подробной экспликацией на особой табличке. Трудно удержаться, чтобы не привести этот текст полностью, настолько хорошо в нем разжевана аллегория. «Река-мать — эта скульптура олицетворяет мощь, красоту и историю реки Миссисипи. Ее протянутые вверх руки символизируют исток этого великого водного пути, который простирается почти от канадской границы до Мексиканского залива. Ее одеяния и платок выражают постоянное

течение реки Миссисипи через сердце Соединенных Штатов, пока она не впадает в море здесь, создавая великий порт Новый Орлеан. Фигуры у ее ног представляют многочисленные притоки, впадающие в Миссисипи. Барельефы скульптуры на постаменте отображают деятельность вдоль реки: люди, мужчины и женщины, и машины морской промышленности штата Луизиана. Эта статуя является признанием значительного вклада, который река Миссисипи внесла и будет продолжать вносить в историю нашей нации. Пусть эта скульптура вечно выражает мощь и величие могучей Миссисипи; приветствие морякам и береговым рабочим, делающим наши порты и водные пути безопасными и продуктивными». Памятник Миссисипи был открыт в Новом Орлеане у мостов-близнецов Кресент-Сити в 2001 году.

Селфи «Города» с «Рекой»

Город, довольный своей рекой, иногда делает скульптурное аллегорическое «селфи» с ней. И тогда композиция уже не однофигурная. Париж на мосту Каррузель увековечил в виде женских фигур себя (город, *la ville*, по-французски женского рода) в городской зубчатой короне и Сену в лавровом венке. Чтобы яснее декларировать пользу от речно-городского симбиоза, меркантильные французы добавили на углы моста также фигуры «Изобилия» и «Промышленности» (1845).

Беломраморная Нант, забравшись на вершину колонны фонтана Королевской площади (1865 г.; об этом фонтане речь пойдет ниже), выражает довольство сидящими у основания бронзовыми Луарой и ее притоками. В Тулузе в композиции фонтана Бульбон (*La fontaine Boulbonne*) голая Гаронна, сидящая под аркой моста и вращающая лопасти турбины, символически дарит электроэнергию богато разодетой Тулузе, довольно восседающей на мосту с городским гербом в левой руке. Скульптуры созданы в 1902–1907 годах, в те времена, когда электроэнергетический потенциал рек еще романтизировался, и установлены на здании энергетической компании. (К современным примерам скульптурной романтизации гидроэнергии относится статуя «Зея» у плотины Зейской ГЭС в Амурской области: девушка с двумя молниями в руках, 1981 г.).

Мраморный «Город Марсель» с высоты колонны фонтана Кантини на площади Каstellан (*Fontaine Jules Cantini*) (1911–1913) взирает на расположившиеся у основания стадии водного движения: Источник (короткий горный ручей Ювон, *l'Huveaune*, протекающий через Марсель), Поток (Дюранс), Река (Рона) и Море (Средиземное).

В Вене, в центральной нише фонтана Альбрехта (*Albrechtsbrunnen*), установленном в 1869 году, мощный бородатый мужчина Дунай сидит, покровительственно приобняв притворно жеманящуюся Виндобону (античное название Вены). «Река» и «Город» словно позируют для идиллического фото социаль-

ной рекламы счастливого супружества. Впрочем, этим композиция венского фонтана не ограничивается, и мы вернемся к ней ниже. Рим в облике богини Ромы позирует на Пьяцца дель Пополо в композиции фонтана Ромы (*Fontana della Dea Roma*) начала XIX века с речным партнером — бородатым Тибром, лежащим у ног города-божества. Генетический характер гидролого-урбанистического партнерства подчеркнут помещением в центре композиции небольшой фигурки Капитолийской волчицы, вскармливающей совсем уж малюсеньких Ромула и Рема, легендарных основателей Вечного города. Тибр, однако, лежит у основания города не один — рядом с ним столь же струйно-бородатый Аньене, приток Тибра, сливающийся с основной рекой на севере Рима и служивший важным источником водоснабжения города. Здесь мы уже переходим от рассмотрения скульптур «Одна река» к конфигурации «Слияние рек».

Слияния: «Река» и «Приток»

Мы уже наблюдали статуи «отца Рейна» с притоком Мозель. В большинстве случаев речь шла о «политическом» Мозеле — как о выражении германских appetitов на Лотарингию. Географически же точное, оправданное место для парной статуи — лишь Кобленц, где, образуя стрелку «Немецкий угол», в действительности сливаются две реки.

В Риме Аньене впадает в Тибр, в Турине Дора-Рипария — в По. В Риме олицетворения Тибра и Аньене встречаем в Четырех фонтанах (*Quattro Fontane*), в 1588–1593 годах на перекрестке улиц Четырех фонтанов и Квиринале. На туринской площади Комитета национального освобождения (*Piazza C.L.N.*) По и Дора соседствуют в форме лежащих мраморных фигур: бородатый мужчина и стройная женщина (1936).

Если однофигурные памятники обозначают лишь не вполне определенное положение «где-то на реке» (линия), то композиции «река — приток» четко фиксируют место города (точка примыкания). Они более вдумчивы, указывают на саму причину образования города именно здесь, на его *raison d'être* (или, по крайней мере, на один из резонансов). Для становления Парижа большое значение имело положение не просто на Сене, но в интервале между впадением в нее двух крупнейших притоков — Марны и Уазы. Сознывая это, Париж помещает на помпезный фонтан Четырех времен года (*Fontaine des Quatre-Saisons*), возведенный в 1789 году у ног аллегорической коронованной женщины «Парижа», опирающейся на нос судна, две речные фигуры — мужчину Сену (по-французски река, впадающая в море, *le fleuve*, мужского рода) и женщину Марну (река, впадающая в другую реку, *la rivière*, женского рода; Марна — крупнейшая *rivière* Франции). В Версале на фронтоне здания префектуры департамента Ивелин — рельеф «Сена и Уаза» (1867). Мраморные «Сена и Марна» (1712)

находятся также в Лувре, во дворике Марли, а также в саду Тюильри.

Близ Тулузы Гаронна принимает свой короткий, но мощный приток Арьеж, почти удваивающий водность главной реки. Этот факт отмечен соответствующей скульптурной группой тулузского фонтана La Fontaine Ariège-Garonne, созданной в 1896 году. Гаронна — молодая женщина, Арьеж — опустившаяся, как и положено притоку перед главной рекой, на колени юная девушка.

Драматическую историю слияния Изера (приток Роны) и Драка интерпретирует скульптурная группа фонтана Змеи и Льва (Fontaine du Serpent et du Lio) во французском Гренобле. Обе эти реки берут начало в Альпах и обладают бешеным нравом. Выходя на плоскость Гренобля, горянки чего только не вытворяли: меняли русла, делились на рукава, устраивали катастрофические наводнения. Драк изображен на фонтане львом, прижимающим лапой змею-Изер; та не сдается и щерится на льва. Это, пожалуй, единственный случай, когда аллегорические сливающиеся реки не соседствуют любовно или хотя бы мирно возлежат, а буйно грызутся. Есть и другая, более спокойная трактовка фигур: лев в ней интерпретируется как аллегория государственной власти, которая с помощью инженерных работ (строительство дамб и обводных каналов) овладевает коварно змеящими-ся реками, заставляя их присмиреть.

Подлинное торжество идеи слияния рек — в Лионе. Здесь полдюжины монументальных «Рон и Сон». Это естественно: своим развитием город обязан положению на примыкании к Роне меридиональной Соны. Бронзовые обнаженные Рон (мужчина) и Сона (женщина) с XVIII века располагались по сторонам пьедестала лионского памятника Людовика XIV. Располагались — потому что после реставрации 2021 года решено было не возвращать ценные скульптуры на площадь Белькур, а поместить их в музей. Но аналогичные изваяния, только в камне, украшают еще и старинный мост через Рону (Pont Lafayette) 1890 года. Барельефы «Рона и Сона» помещены также на опорах моста через Сону (Pont Kitchener-Marchand, 1947 г.). И наконец, шедевр пластической интерпретации темы слияния рек — мраморный горельеф «Рона и Сона» работы лионца Андре Вермара установлен перед лестницей лионского Дворца торговли (Palais du Commerce) в 1907 году. Рельеф не просто динамичен, он стремителен. Пара пловцов: мужское тело Роны с напряжением всей мускулатуры, как снаряд, мчится, излучая альпийскую энергию; к нему снизу, играючи и нежась в волнах, ласкаясь, примыкает Сона.

Кружат и сплетаются в невесомой речной динамике два юных тела в берлинском районе Фридрихсфельде. Это Шпрее, готовящаяся присоединиться к Хафелю (Spree und Havel-Brunnen, 1982 г.). Юноша и девушка обнажены, но в композиции нет явного эротизма, скульптор удерживает себя в рамках культа здорового естественного тела, характерного для тогдашней ГДР. Скульптору из Благовещен-

ска удержаться в рамках не удалось: его женщина Зоя кидается на шею Амуру с неприкрытой страстностью. Начало 1990-х, что ж поделать. Сидящий Амур (река, а не бог) выглядит даже слегка ошарашенным таким напором голого притока. В Белгороде, напротив, обнаженный коленопреклоненный мужчина (Северский Донец) молит присоединиться к себе гордо стоящую на волне девушку-приток. Композиция «Встреча Везёлицы и Северского Донца», первоначально созданная в 1982 году, обновлена и установлена на левом берегу Везёлки (нынешнее название речки). В белорусском Витебске в Западную Двину впадают сразу два значимых притока — давшая имя городу Витьба и Лучоса. Фонтан «Слияние трех рек» открыт в городе в 1987 году. К центральной статной фигуре Двины слева и справа плывут две девушки-притоки. Композицию можно было бы назвать воплощенной географической схемой, если на поверку оба притока не были бы левыми. (Отдельно взятая гламурная Лучоса из полимерного материала под бронзу с недавних пор сидит еще и у одноименной витебской гостиницы).

Местная инициатива порой обращает внимание и на совсем незначительные слияния. В белорусских Пружанах, там, где никому не известная речка Муха сливается с мелиорационным каналом Вец, в 2009 году брестским скульптором Алексеем Павлючуком устроен один из самых оригинальных памятников соединению водотоков. Арка из двух встречных металлических волн перекинута через совсем еще узенький новорожденный водоток. Волны с разных берегов, встречаясь на середине речки, взвиваются спиралями, из которых вырастают мужская и женская стройные фигуры. Первое несмелое прикосновение. Так отмечено «Рождение Мухавца», реки, в устье которой стоит Брестская крепость.

В городской скульптуре отражены случаи и другого сочетания слияния трех рек — не параллельного (притоки рядом, но порознь впадают в главную реку), но последовательного (на территории города один приток впадает в другой, а тот уже в главную реку).

Баденский городок Пфорцхайм расположен примерно на полпути между Штутгартom и Карлсруэ, у подножия Шварцвальда, разделяющего водосборы Рейна и Дуная. Его именуют «Воротами в Шварцвальд», а также «городом трех долин». Здесь Вюрм впадает в Нагольд, а затем Нагольд в Энц. В таком порядке и бегут наперегонки бронзовые девочки-подростки в композиции «Фонтана трех рек» (Drei-Flüsse-Brunnen, или Drei-Täler-Brunnen), устроенного в центре Пфорцхайма в 1935 году. Лидирующая «Энц», в свою очередь, — приток Неккара, впадающего в Рейн. Это одно из начал рейнской системы, символ инициации движения речной судьбы, как и упоминавшаяся выше базельская «Гельвеция в пути», как тверской «Афанасий Никитин». Пфорцхаймских девочек, перевоплощающихся по мере движения вниз по речной системе, мы встречали уже среди «дочерей» (внучек,

правнучек) многодетного «Отца Рейна» в Дюссельдорфе.

Свой фонтан трех рек (The Swann Memorial Fountain, или The Fountain of the Three Rivers) появился в центре пенсильванской Филадельфии в 1924 году. Историческая столица США стоит на Делавэре, который принимает здесь падающий с Аппалачей крупный приток Скулкилл (Schuylkill), незадолго до того принявший воды «ручья» Виссахикон-Крик. Водотоки в композиции фонтана изображены как семейство индейцев с лебедями и рыбами. Ручей — юная индианка, Скулкилл — взрослая женщина, Делавэр — мужчина-индеец.

Дистанцированные слияния

Особо оговорим случаи, когда город стоит не на самом слиянии двух важных рек, а несколько поодаль, но считает нужным заявить о своем влиянии на это место, о своей принадлежности к миру обеих рек. Мюнхен, столица дунайской Баварии, не стоит на Дунае, а расположен на притоке последнего, Изаре. Но в Большом каскаде мюнхенского парка Нимфенбург женская скульптура «Изар» дополняется мужчиной «Дунаем» (1715–1717). Чешский Оломоуц, находясь в двух сотнях километров от Дуная на его левом притоке Мораве, тоже средствами монументальной пропаганды тянется к Дунаю. В композиции фонтана «Цезарь» (Caesarova kašna), установленного в 1725 году, у ног конного императора-основателя (согласно краеведческому измышлению, Оломоуц был основан Юлием Цезарем) лежат две мужские фигуры — аллегии рек Моравы и Дуная.

Французский Мелён стоит на Сене в полусотне километров к юго-востоку от Парижа. Выше по течению в Сену впадает Йонна, ниже — Марна. И тот и другой притоки порядком удалены от Мелёна, но городку посчастливилось быть центром департамента Сена и Марна, на территории которого находятся устья названных притоков. И, как ревностный администратор, Мелён в 1864 году собирает на площади Сен-Жан (Place Saint-Jean) и во всю «ивановскую» ставит в свой чугунный фонтан Сену с рогом изобилия, Марну с серпом и колосьями пшеницы и Йонну с веслом.

Бордо на знаменитом памятнике жирондистам (Le monument des Girondins) у подола статуи «Город Бордо» помещает не только Гаронну, на которой город действительно стоит, но и Дордонь, которая сливается с Гаронной (впадает в общий с ней эстуарий Жиронду) значительно ниже по течению.

Экс-ан-Прованс не стоит ни на Роне, ни на Дюранс. Тем не менее город поместил на фронтон своей зерновой биржи (La halle aux grains) нежно обнимающихся эту реку и этот ее приток. Ножка Дюранс трогательно свешивается на городскую площадь. Аллегорическая группа была выполнена в камне в 1760-е годы. Мы уже наблюдали аналогичную ситуацию в Марселе: далек от Роны и Дюранс, но позирует с ними в фонтане Кантини. Столица Прован-

са может позволить себе монополизировать образы провансальских рек. Дюранс, впрочем, вскоре и вправду придет в Марсель: в середине XIX века был проложен канал, снабжающий Марсель водой из Дюранс. В ознаменование этого события в Марселе в 1869 году возвели Дворец Лоншан (Palais Longchamp) с богатым скульптурным декором. Центральное место занимает полуобнаженная женская фигура Дюранс, по сторонам от нее — аллегии виноградарства и хлебного изобилия. На внешних гранях Триумфальной арки в картушах выгравированы названия притоков реки Дюранс, правых и левых.

«Параллельные» реки

А теперь о ситуациях, когда город стоит на морском берегу, а в его черте или рядом с ним в море впадают две (или более) реки, не успевшие соединиться между собой до излития в море.

Испанская Валенсия выросла у устья Турии, рядом еще в Средиземное море впадает Хукар. В низовьях реки соединены каналом. Признание заслуг этих двух рек перед городом выражено аллегорическим оформлением парадного входа в один из городских дворцов (Palacio del Marqués de Dos Aguas, 1745 г.; сама фамилия владельцев дворца, маркизов Дос Агуас переводится как «Две реки»). Две мужественные реки предстают обнаженными атлантами, изливающими воду из исполинских сосудов. Справа от входа — горельефный Хукар, сопровождаемый изображением двух крокодилов; слева — Турия, поставивший ногу на лежащего льва.

В сицилийском Палермо помпезный многофигурный фонтан «Претория» (Fontana Pretoria) в качестве основных содержит три солидные мужские и одну женскую фигуру. Один из мужчин — Орето, единственная речка города с постоянным течением; остальные фигуры — три сезонно пересыхающих городских ручья. Чем объяснить несоответствие монументальности аллегорических фигур и тщедушие реальных речных прототипов? Дело в том, что фонтан изначально был создан для Флоренции и с 1544 года стоял там. Фигуры, по замыслу флорентийцев с их всемирными замашками, изображали аллегии прославленных в античности рек вроде Нила. В 1574 году фонтан был продан, перенесен и собран заново в Палермо. Последовало переименование и переосмысление статуй применительно к реалиям водоемной Сицилии.

Когда-то Муррей впадал в океан на территории нынешней Аделаиды, но потом дельта сместилась влево, на юго-восток. В современной агломерации наиболее значительные водотоки — короткие Торренс и Онкапаринга. Они-то вместе с Мурреем и попали в 1968 году на городской фонтан Трех рек (Three Rivers Fountain). Реки представлены двумя женскими фигурами, каждая из которых держит птицу (черный лебедь у Торренс и цапля у Онкапаринги), и мужчиной-аборигеном (Муррей) с ибисом.

«Отец Рейн и его дочери» — мы уже встречали в Дюссельдорфе такую бронзовую бассейновую аллегию: река и ее притоки. Аналогичная скульптурная группа, только каменная и с Сеной во главе, «Сена и ее притоки» (1900), — в оформлении входа в Малый дворец в Париже (Petit Palais). Стилизованная композиция «Притоки Сены» установлена в Руане, на мосту Буальдьё (Pont Boieldieu, 1957 г.). Эти скульптуры, хотя и несут бассейновую идею, отражают «притоки вообще», географически не конкретизируя. Этого недостатка лишена великолепно проработанная мраморная фонтанная композиция «Водное зеркало: Сена и ее притоки» (1910), установленная в Париже на лужайке возле Большого дворца (Miroir d'eau, la Seine et ses affluents, Grand Palais). Там каждый ребенок или подросток-приток назван и узнаваем: Об, Луэн, Эссон, Йонна, Армансон, Кюр, Уаза, Марна и Пти-Морен. В этом семействе не только непосредственные притоки Сены, но и притоки второго порядка: так Армансон и Кюр — притоки Йонны, а Пти-Морен — Марны. Трудно сказать, чем руководствовался автор, скульптор Франсуа-Рауль Ларш, отбирая кандидатуры рек для своего «Зеркала» (водной глади), но творение вышло трогательное и проникнутое любовью к географии страны.

Нант в уже упоминавшемся фонтане на Королевской площади (Fontaine de la Place Royale, 1865 г.) рассадил пять бронзовых рек бассейна Луары: собственно Луару и четыре ее притока — Эрдр, Севр, Шер и совсем коротенький Луаре. Единственная мужская фигура — Шер. Нельзя сказать, чтобы речная система была представлена полно: не попали в композицию такие крупные луарские притоки, как Вьенна и Алье. Но, видимо, авторы руководствовались принципом близости к родному городу: Севр и Эрдр впадают в Луару в черте самого Нанта (вспомним здесь содержание раздела «Слияния»).

Свой бассейновый монумент чуть было не получила и Гаронна. Знаменитый Бартольди сделал для города Бордо композицию, названную «Триумфальная колесница Гаронны»: богиня Гаронна управляет четверкой лошадей, символизирующих четыре основных притока реки. Но скульптор и город не сошлись в цене, и в итоге фонтан оказался в Лионе, на Роне, совершенно переосмысленным (о лионской реинкарнации фонтана Бартольди — ниже).

Миланская Арка Мира (Arco della Pace; первая половина XIX в.) посвящена не только историческим событиям. В ее декоре и география Северной Италии. По четырем углам на фронтонах возлежат аллегорические фигуры главных рек Ломбардии и Венето — рек Падании, образующих водосборный бассейн Венецианского залива и примыкающей адриатической акватории у дельты По. Это, собственно, По, Тичино (приток По), Адидже (образует с По общую дельту) и Тальяменто (впадает в залив на восточном краю Паданской низменности). Стоящие в том же Милане Ворота Гарибальди (Porta

Garibaldi) сокращают рассмотрение бассейна только до верхней половины По, зато делают его более подробным. На аттике ворот находятся аллегии основных рек Ломбардии: По и три его притока — Адда, Тичино и Олона. Бассейн Адидже, выпавший из внимания авторов Ворот Гарибальди, в подробностях творчески освоен скульптором австрийского происхождения Францем Эренхефером, создавшим в 1928 году скульптурное оформление железнодорожного вокзала в Больцано (Болцено). Четырехфигурный горельеф с обнаженными телами: старший бородатый мужчина (Адидже) побеждает в борьбе свой приток Изарко. За спиной у юного Изарко — его приток: девичья фигура Риенцы, жалеющей своего побежденного повелителя. За спиной у Адидже — его девушка-приток Пассирия, с удовлетворением наблюдающая ход схватки. Композиция полна внутренней динамики и драматургии, показывает иерархию водотоков, что выгодно отличает ее от большинства невозмутимо возлежащих или восседающих речных персонификаций и заставляет вспомнить бегание льва и змеи в Гренобле.

Подобно тому, как две миланские арки интерпретируют речную систему Падании в большем и меньшем территориальном охвате и соответственно в меньшей или большей географической подробности, два фонтана Вены по-разному показывают бассейн Дуная.

В уже упоминавшемся венском фонтане Альбрехта (Albrechtsbrunnen, 1869 г.), помимо милующихся в центральной нише Вены (Виндობона) с Дунаем (Данубиус), в боковых нишах расположились очеловеченные притоки Инн, Сава, Драва, Тиса, Мура (приток Дравы), Зальцах, Морава, Рааб, Энс и Траун. Некоторые скульптуры были утрачены, но власти принимают меры к восстановлению памятника во всей его австро-венгерской имперской полноте.

В более старом фонтане скульптора Доннера (Donnerbrunnen, 1739 г.) присутствуют притоки Дуная, протекающие только на территории исторической Австрии (хотя бы частично). Это олицетворения рек Морава (Марч), Ибс, Энс и Траун. Две мужские фигуры представляют реки Верхней Австрии, две женские — Нижней Австрии. Молодой Траун пронзает трезубцем рыбу на дне бассейна. Энс — старик, опирающийся на скалу с веслом, что символизирует старинный транспортный маршрут в Альпах. Ибс — фигура полулежащей девушки с сосудом для воды. Марч — женский персонаж с раковинкой.

Похожий по композиции фонтан Font Del Túria (1976) — в испанской Валенсии на площади Девы Марии. В центре водной чаши полулежит главный персонаж — мужчина-река Турия («Турия» — женского рода, но слово «река», *el río*, в испанском — мужского). Вокруг мощного красавца восемь водных объектов — субалтернов: обнаженные хрупкие девы. Можно было бы подумать, что они олицетворяют собой притоки, формирующие водосбор Турии. Нет, это водоразбор: девы символизируют оросительные каналы, отведенные от Турии и сыгравшие реши-

тельную роль в сельскохозяйственном процветании провинции. Это бассейн наоборот.

К новейшим бассейновым композициям относится фонтан «Реки Сибири», устроенный в Красноярске в 2005–2008 годах (в настоящее время разобран из-за реконструкции площади). На ступенях каскада – мужская фигура бородатого Енисея (вполне в традициях «отца Рейна» и предшествовавших ему античных и ренессансных Нилов и Тибров) и легко одетые девушки Ангара, Тунгуска (олицетворение Подкаменной Тунгуски и Нижней Тунгуски), Хатанга, Базаиха, Кача, Бирюса и Мана. Хотя фонтан своим названием претендует на «всесибирскость», в действительности все это женское население – гарем батюшки Енисея, его притоки и притоки притоков. Исключение составляет только самостоятельно впадающая в море Хатанга. В сущности, это реки Красноярского края, основа территории которого – енисейский водосбор.

Интеграция бассейнов

В Шветцингене, в парке дворца курфюрстов, мы уже встречали аллегория Рейна в одном пруду с аллегорией Дуная. В Гейдельберге, как мы помним, на пьедестале памятника пфальц-баварскому владельцу символически соединяются рейнский и дунайский водосборы. Пруско-столичные берлинские фонтаны, хотя и не покушаются на Дунай, кооптируют – помимо своей Эльбы – Рейн, Одер и Вислу. Государственная власть редко удерживает себя в, казалось бы, естественных рамках речных систем. И гордится, если не сказать чванится, своей бассейновой всеядностью.

В центре габсбургской Вены в 1846–1848 годах был установлен фонтан «Австрия» (Austriabrunnen). В центре на колонне – олицетворение Австрии (страны, а не города!), в короне, с копьем и щитом в руках. Вокруг – аллегии четырех основных рек империи: Эльба, Дунай, Висла и По (тогда север Италии был под австрияками). Реки впадают в разные моря: соответственно Северное, Черное, Балтийское и Адриатическое. Суммирование их в памятнике должно было прославлять центральное положение Австрии в Европе. Итальянское Рисорджименто поубавило австрийское бассейновое число, и в фонтане Афины Паллады (Pallas-Athene-Brunnen), установленном перед парламентом, фигурируют герои и героини только двух бассейнов: Дунай с притоком Инн (собственно Австрия), с одной стороны, и Эльба с Влтавой – с другой (Чехия).

Испания на площади Испании в каталонской Барселоне хвалится тремя морскими фасадами Пиренейского полуострова и соответствующими реками. Построенный в 1929 году трехгранный фонтан La fuente de la Plaza de España символизирует три речных вектора: Эбро – Средиземное море, Гвадалquivир с Тахо – Атлантический океан, группа «речек»-подростков – короткие водотоки, впадающие в Кантабрийское море (так в Испании называют прилегающую к полуострову акваторию Бискайского залива).

Абсолютистское или унитарно-республиканское единение разнотерриториальных территорий – французский идефикс. Принцип был отлит в бронзе в 1685–1686 годах. При Людовике XIV главные реки Франции (каждую с притоком-адъютантом) согнали в Версаль и рассадили на парапете южного водоема водного партера. Теперь там, словно за круглым столом, сидят и лежат полуголые мужчины и женщины Гаронна и Дордонь, Сена и Марна, Луара и Луаре, Рона и Сона.

Их, удовлетворяющее французское национально-бюрократическое чувство, единение было подтверждено в 1844 году четырехфигурной композицией фонтана Лувуа (Fontaine Louvois) в Париже: плечом к плечу стоят молодые женщины Сена, Гаронна, Луара и Сона. Не хватает Роны и Рейна? Но их-то персонажи как раз восполнены на площади Согласия, как уже говорилось, в Фонтане рек около 1840 года.

Упомянутый многострадальный фонтан Бартольди (Fontaine Bartholdi), который делался для Бордо, в 1892 году очутился в Лионе, и аллегорические фигуры подверглись переосмыслению, вернее, перетолкованию. Античная богиня, правящая колесницей, из Гаронны сделалась Францией, а четверка несущихся во весь опор коней стала «четырьмя главными реками». Впрочем, это лишь народная трактовка, официально скульптурная группа именуется отвлеченно: «Реки и источники, стремящиеся к океану».

В бразильском Рио-де-Жанейро в композиции памятника императору Педру I (1862) не в пример конкретнее выражена география рек. Вокруг пьедестала расположены статуи, представляющие четыре основные реки страны – Амазонку, ее крупнейший приток Мадейру, а также Парану и Сан-Франсиску. Аллегии дополняются изображениями коренных жителей и колоритных животных – тапиров, броненосцев, муравьедов, капибар.

В России единственным скульптурным намеком на разнотерриториальную природу территории является далеко не полная компания «рек», сидящих у подножия роstralных колонн. Зато была удачная попытка в одной из союзных республик. Три стержневые реки Узбекистана – Амударью, Сырдарью и Зарафшан – символизируют три женщины в национальных одеждах, держащие на головах сосуды разной формы. Этот фонтан, устроенный в городе Навои в 1972–1974 годах, стоит на одной площади с фонтаном «Фархад», герой которого, Фархад, – эпический преодолитель водоразделов, соединитель бассейнов.

Водоразделы

Особый сюжет – памятники, отмечающие границы бассейнов и преодоление водоразделов. Российский пример – Шат и Дон в городском парке Новомосковска (2000). Два юных всадника кружатся у постаночного истока Дона. «Дону» предстоит путь в Азовское море, Шату – в Упу, Оку, Волгу, Каспий. Канала между Доном и Окой проложить не удалось, хотя и предпринимались попытки.

А вот Дунай через водораздел впервые соединился с бассейном Рейна судоходным каналом в 1846 году. В баварском Эрлангене (к северу от Нюрнберга) в ознаменование этого воздвигнуты мемориальные ворота, восседающие на них Майн (приток Рейна) и Дунай протягивают друг другу на встречу руки.

Французский Сен-Кантен (на полпути между Парижем и Брюсселем) украшен декоративными маяками на мосту через канал, соединяющий Сену через ее приток Уазу с Соммой и Шельдой (1929). Эти четыре реки очеловечены на бронзовых барельефах в стиле ар-деко у основания маяков. Обнаженная Сена лежит, распустив волосы, на парижском берегу на фоне Эйфелевой башни и Монматра, ласково наблюдая за малышом с рыбиной. Мужчина Эско (Шельда) плавает, наслаждаясь водной стихией, и выходит в море в порту Антверпена. Сомма в прибрежных зарослях учит плавать ребенка. Уаза изображена на фоне города Компьень и пикардийских пшеничных нив. До Первой мировой войны на этом месте стоял другой мост с тем же набором рек в четырех роскошных скульптурных группах. Тот мост был разрушен немцами. Скульптурное убранство нового моста скромнее, но городская традиция речных межбассейновых аллегорий продолжена.

Вселенская претензия

Город — свою реку или реку с притоками. Столица — соцветие своих рек. Но мало кто дерзает скульптурно восславить внешние, чужие, но как бы принимаемые как свои речные образы. Исключим случаи дружественного гостевания (пластическое посольство), такие как «Волга» в Варшаве и Нанкине или «нимфы Невы» на мосту Александра III в Париже. Исключим также палеоимперские казусы, когда в столичных композициях фигурируют реки, ныне не входящие в состав соответствующих стран, но прежде включенные в империи (берлинские Вислы, венские По или Тиса и т. п.).

Подойдем к лестнице римского Дворца сенаторов (Palazzo Senatorio) на Капитолийском холме. Она украшена двумя симметрично расположенными полулежащими античными статуями. Одна из них — Нил, впадающий в море в двух тысячах километрах от Рима. Другая — вроде бы ближний Тибр, но исследователи скульптуры разглядели кошачьи лапки у Капитолийской волчицы, примостившейся под рукой Тибра и выяснили, что изначально это была аллегория Тигра. Таким образом, статуе «Рим» (богиня Рома), венчающей композицию, фундамент составляли реки — символы двух древнейших цивилизаций — древнеегипетской и месопотамской, очагов всечеловечности. Позднее Тигра, опиравшегося на фигуру тигра, переосмыслили и подправили, подсунув ему под локоть славную волчицу с двумя ее выкормышами.

Самая известная античная скульптура лежащего «отца Нила» с копошащимися на нем человечками,

находится в музее Ватикана. Эллинистическая статуя Нила на Пьяцетта-Нило обозначает цивилизационное преемство Неаполя. Эти Нилы, собственно, и стали общими прототипами для многих речных аллегорий, рассмотренных в настоящей статье.

(Несколько неожиданно африканская речная тема обнаруживается в Брюсселе, в парке Пятидесятилетия. Река Конго в образе молодого чернокожего юноши, полулежащего в позе Нила с крокодилом у ног обозначена в основании памятника бельгийским колонистам-колонизаторам — Monument aux pionniers belges au Congo, 1921 г.)

Во Флоренции, в саду Боболи, в 1575 году был устроен фонтан Океана (La Fontana dell'Oceano), где собрались Междуречье в образах Тигра и Евфрата и Древний Египет в облике вновь, разумеется, Нила. Отголосок итальянской всемирности — в Париже, где в саду Тюильри наряду с французскими реками присутствуют все тот же Нил и Тибр (на этот раз просто Тибр без подоплеки; для Парижа приобщение к реке Вечного города и так лестно).

Попробовали, не без самоиронии, польстить себе путем скульптурного приобщения к овеванной мифами реке владельцы подмосковной усадьбы Кусково (ныне в Москве). Неизвестный скульптор XVIII века выполнил здесь две статуи — аллегии рек Скамандра и Кусковки. Юмор кусковской ситуации станет понятным, если вспомнить, что Скамандр — река, на которой стояла эпическая Троя (предположительно современная турецкая река Карамендерес), а Кусковка — какой-то ручеек, когда-то протекавший в усадьбе (и то, возможно, выдуманный).

Апофеоз речного интернационала — знаменитый барочный фонтан Четырех рек (La Fontana dei Quattro Fiumi) на римской Пьяцца Навона, сооруженный в 1648–1651 годах по проекту Джованни Бернини. Географический горизонт авторского замысла глобален. Дунай здесь представляет Европу, Нил — Африку, Ганг — Азию и ни много ни мало Ла-Плата — Америку. У каждой фигуры свои атрибуты и своя драматургия. Фонтан Бернини послужил образцом для многих скульпторов, бравшихся впоследствии за речную тематику. Но никто не позволял себе такой пространственной широты выбора персонажей.

Никто не позволял, пока в 2002 году Прага не смонтировала у себя фонтан «Чешские музыканты» (Čeští muzikanti, или Tančící kašna). В облике танцующих музыкантов, играющих на разных инструментах, представлены реки разных частей света и континентов. Автор композиции, Анна Хроми, взяла за основу комплект Бернини, но заменила Ла-Плату на Амазонку и добавила Миссисипи (как же без США). Теперь на Сеноважной площади отплясывают флейтистка Амазонка, музыкант с мандолиной Ганг, трубач Миссисипи, скрипачка Дунай. Поодаль освобождается от пут Нил. Прага, бывшая столица Священной Римской империи, мировая туристическая мекка, может позволить себе скульптурно-географически повеселиться в мировом масштабе.